

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПОЛИТИКИ ПРОСВЕЩЁННОГО АБСОЛЮТИЗМА В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ (1917 — НАЧАЛО 1930-х ГОДОВ)

Постепенное установление после 1917 года монополии исторического материализма, политика государственных органов, формировавших проблематику научных работ, привели к резкому сокращению публикаций по истории просвещённого абсолютизма. Несмотря на это часть учёных (Кареев Н. И., Перцев В. И.) продолжала традиции дореволюционных исследований. Основываясь на методологии истмата, затрагивали в своих трудах проблемы просвещённого абсолютизма некоторые молодые историки (Захер Я. М., Преображенский В. Д., Розенталь Н. Н.).

Ключевые слова: Просвещение XVIII века, политика просвещённого абсолютизма, отечественная историография просвещённого абсолютизма.

V. S. Antipov

DOMESTIC HISTORIOGRAPHY OF ENLIGHTENED ABSOLUTISM POLICY IN FOREIGN COUNTRIES (1917 — EARLY 1930'S)

The gradual establishment of historical materialism monopoly after 1917, the policy of state authorities, who formed the perspective of scientific and scholastic works, led to a reduction of publications on the history of enlightened absolutism in Russia. In spite of this, some of the scholars (N. I. Kareev, V. I. Pertsev) continued the traditions of pre-revolutionary research. Some younger historians (Y. M. Zacher; V. D. Preobrazhensky, N. N. Rosenthal) raised the enlightened absolutism issues on the foundations of historical materialism methodology.

Key words: enlightened absolutism, enlightened despotism, historiography of enlightened absolutism, enlightened absolutism policy, domestic historiography.

В предреволюционные десятилетия отечественные историки, в первую очередь представители «Русской школы», используя позитивистскую методологию, достигли значительных результатов в изучении проблем просвещённого абсолютизма.

Реформы просвещённого абсолютизма представлялись историкам «Русской школы» как один из двух альтернативных вариантов становления буржуазных отношений в странах Западной и Центральной Европы. Учёные считали, что континентальные европейские страны переживали во второй половине XVIII века идентичный кризис, разрешение которого могло произойти либо снизу, через революционные преобразования, либо сверху, опережающими действиями государства.

После 1917 года условия изучения просвещённого абсолютизма радикально изменились.

В течение нескольких лет ушли из жизни или оказались за границей большинство специалистов, занимавшихся его проблемами. П. П. Митрофанов умер в 1917 г., И. В. Лучицкий в 1918, В. И. Герье в 1919, П. Н. Ардашев в 1924. Исчез в бурях

гражданской войны Г. Е. Афанасьев – одесский историк, автор двух книг, посвящённых реформам Тюрго во Франции, неизвестна даже дата его смерти. За границей оказались П. Н. Милюков, А. А. Кизеветтер и Р. Ю. Виппер. А. К. Дживилегов, печатавший в энциклопедии Гранат многочисленные статьи о деятелях просвещённого абсолютизма, сменил тематику исследований, пытаясь приспособиться к потребностям новой власти, писал работы вроде научно-популярной книги «Армия Великой французской революции и её вожди» [6]. Позднее Дживилегов сосредоточился на изучении культуры и искусства Возрождения.

Катастрофически ограничилась возможность публикаций. Закрылись периодические издания, печатавшие материалы по истории просвещённого абсолютизма: Журнал Министерства народного просвещения, Русская старина, Исторический вестник, Русская мысль, Русское богатство, Северный вестник, Мир Божий и другие. Попытки издания новых исторических журналов («Анналы», «Дела и дни», «Русский исторический журнал», «Исторический архив») ограничивались несколькими номерами, оканчивались неудачей из-за недостатка бумаги и денег, противодействия советских властей. Такая же участь постигла и периодические сборники («Россия и Запад», «Века»). Остановилось издание энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона. Только в 1923 году с сорокового тома возобновилось седьмое издание энциклопедического словаря братьев А. и И. Гранат, благодаря тому, что до революции с ним сотрудничал В. И. Ленин, однако в его последних томах значительно уменьшилась доля материалов, посвящённых XVIII веку.

Не способствовал изучению проблем просвещённого абсолютизма и взятый советскими властями курс на неуклонное установление монополии исторического материализма в исторических исследованиях. Теперь историк должен был отбирать в прошлом факты, призванные иллюстрировать марксистскую социологическую схему, отбрасывая не укладывающиеся в неё. «Историческая наука... представлялась партчиновникам набором иллюстраций к марксистским истинам. ... Собственные же интересы исторической науки, в частности, главный из них — стремление получить достоверные знания — партийно-государственное руководство не интересовало» [7, с. 105].

Принципы позитивистской методологии (эволюционизма, объективизма, многофакторного подхода) господствовавшие в дореволюционных исследованиях политики просвещённого абсолютизма, отвергались, как отвечавшие интересам буржуазной интерпретации прошлого. В лекции, прочитанной на сентябрьских педагогических курсах 1918 года, А. В. Луначарский говорил: «историки стали носителями апокрифа, ереси о медленности всякого нормального развития, стали проповедниками медлительности. ... Преподавание истории с той точки зрения, чтобы научить людей «идею» постепенности, эволюции, должно быть отброшено» [15, с. 27]. Отказ от принципа эволюционизма распространялся на изменение общества путём постепенных преобразований, на реформы, в том числе и эпохи просвещённого абсолютизма.

На смену «буржуазному объективизму» должен был прийти принцип партийности — классового подхода в изучении истории.

Многофакторный анализ прошлого заменялся монофакторным. Политика просвещённого абсолютизма, рассматривавшаяся учёными — позитивистами как результат взаимодействия комплекса многочисленных факторов: духовных, политических, экономических, психологических и т. д., согласно монистическому подходу,

внедряемому истматом, являлась результатом развития производительных сил, реализацией в государственной сфере интересов правящих классов позднего феодального общества.

«Марксистская теория, будучи не в состоянии соперничать с дореволюционными историческими концепциями (в том числе и созданной историками — либералами концепцией просвещённого абсолютизма — В. А.), ибо для этого не было ни научных идей, ни квалифицированных кадров, могла внедряться и укрепляться только административными способами, при политической поддержке правящей партии» [11, с. 162].

Радикально изменилась проблематика исторических исследований, резко ограничилась возможность изучения политики просвещённого абсолютизма. По вполне объективным причинам упал интерес современников к реформам прошлого. Революция, разворачивавшаяся в России, недавний крах столыпинской реформы, казалось бы, подтверждали, что политика медленных преобразований бесперспективна, находится на обочине исторического процесса.

Новые власти стремились максимальной «осовременить» исторические исследования, подчинить их интересам «текущего момента». Историки нового марксистского поколения почти не интересовались проблемами позднего феодализма «главным образом из-за отсутствия профессиональной подготовки в этой области, хотя она нередко прикрывалась спекулятивными рассуждениями о неактуальности изучения ранних исторических эпох» [1, 23]. Одна из резолюций Общества историков-марксистов с удовлетворением констатировала, что в планах Института истории отсутствуют темы по «древней, средней, русской и всеобщей истории» [4, с. 165]. Единственными исключениями стали переиздания марксистских работ, касавшихся проблем российского просвещённого абсолютизма, написанных ещё до революции [20, 24, 19, 17].

Большевики, пришедшие к власти революционным путём, не были заинтересованы в пропаганде реформистских путей преобразования общества. Усилия специалистов, затрагивавших проблемы XVIII века, были сосредоточены на изучении социально-экономических отношений, классовой борьбы, социальных революций, утопических социалистических и коммунистических учений. Особое внимание уделялось причинам, ходу, близким и отдалённым последствиям Великой французской революции. Сюжеты, связанные с Просвещением, рассматривались только под углом его воздействия на идеологическую подготовку Великой французской революции. Новый социальный строй нуждался в новых героях прошлого и моделях поведения: революционерах, вожаках народных восстаний. Просвещённые монархи и их министры — реформаторы в такие образцы не годились.

С точки зрения политической целесообразности, потребностей решаемых в данный момент задач изучение феномена просвещённого абсолютизма не имело в глазах большевистских руководителей, отвечавших за общественные науки, никакой ценности. Темы по просвещённому абсолютизму не вписывались в желательное поле исследований и, следовательно, не включались в планы научных работ. Каких либо шансов на публикацию работ, подготовленных учёными самостоятельно, в государственных издательствах не было. Фундаментальный обзор довоенной советской историографии новой истории В. А. Дунаевского не упоминает ни одного подобного исследования [8].

Непрерывные реорганизации лихорадили все уровни школы. Упоминания о политике просвещённого абсолютизма исчезли из вузовских программ и школьных учебников по отечественной и зарубежной истории. Летом 1918 года перед началом учебных занятий решением Наркомпроса было запрещено применение большинства дореволюционных гимназических учебников, содержащих сведения о политике просвещённого абсолютизма в России и зарубежных странах: Д. И. Иловайского, С. Ф. Платонова, Н. И. Кареева, А. С. Трачевского, Р. Ю. Виппера. До создания новых советских учебников учителя могли использовать пособие М. Н. Коваленского [14]. Первые советские учебники по отечественной истории Е. К. Замысловской [9] и А. С. Мартынова [16] о политике просвещённого абсолютизма не говорили. Впрочем, потребность в этих учебниках скоро отпала. Начиная с сентября 1923 года предмет «История» окончательно исчез из советской школы и заменился обществоведением. В новой дисциплине роль исторических фактов сводилась к иллюстрированию социологических постулатов исторического материализма.

И всё-таки, несмотря на крайне ограниченные возможности, отдельные учёные продолжали касаться проблем просвещённого абсолютизма в своих работах. Вплоть до конца двадцатых годов ещё сохранялись не полностью изжитые остатки методологического плюрализма.

В 1918 году вышла монография Н. М. Кареева «Великая французская революция» [12], как и дореволюционные публикации маститого автора написанная с позиций либерализма и объективизма. Описывая события конца XVIII века, историк стремился помочь читателю понять ход разворачивающейся российской революции. Он писал: «Я предвижу, что многие возьмутся за чтение этой книги не ради специального научного знания, а в связи с переживаемым Россией моментом, у которого есть много аналогичного с Французской революцией» [12, с. 17]. В тексте повторялась мысль, неоднократно высказывавшаяся Кареевым в дореволюционных трудах, что срыв правящими кругами Франции попыток Тюрго провести реформы просвещённого абсолютизма явился одной из причин возникновения предреволюционного кризиса. «Некоторые историки, — пишет автор, — ставили вопрос, не сделали бы реформы Тюрго излишней революцию 1789 года, если бы ему удалось осуществить свои планы. Об этом можно говорить надвое: да, в том случае, если бы при поддержке Людовика XVI реформы могли совершиться мирно, и нет, если бы, наоборот, сама деятельность Тюрго вызвала революцию». [12, с. 105]. Кареев убедительно показал, что многие реформы просвещённого абсолютизма, начатые Тюрго, были осуществлены на первом конституционно-монархическом этапе революции. Анализируя причины краха замыслов реформатора, учёный считал, что едва ли не главной из них стало намерение провести преобразования, не затрагивая политическую сферу, более того, опираясь на властные абсолютистские структуры. «Не нужно забывать, что кроме реформ, которые желал осуществить Тюрго, многие французы стремились ещё и к политической свободе, о которой Тюрго, однако, совсем и не думал» [12, с. 106]. В фундаментальном труде, посвящённом историографии Великой французской революции, Кареев высоко оценивал вклад французских учёных А. Токвиля и А. Сореля в изучение проблем просвещённого абсолютизма, создание ими концепции континуитета, обоснование взгляда, что реформы просвещённого абсолютизма и социальная революция разными путями решали одну задачу перехода от феодальной формации к капиталистической [13].

В. И. Перцев — учёный, систематически публиковавшийся до революции по вопросам просвещённого абсолютизма, в 1918 году снова обращается к этой теме. Им издаётся книга, посвящённая истории династии Гогенцоллернов [18], объединившая ряд научно-популярных очерков, регулярно появлявшихся с 1914 по 1917 год на страницах журнала «Голос минувшего». Монографическое исследование было невозможно в условиях ведущейся войны и недоступности германских архивов. Однако за внешне непритязательным текстом чувствуется глубокая эрудиция. Стройность, убедительность и простота изложения свидетельствовали о выучке выпускника Московского университета — ученика П. Г. Виноградова, М. С. Карелина и Р. Ю. Виппера. Исторические портреты монархов эпохи просвещённого абсолютизма сопровождались сжатыми, иногда афористичными характеристиками: «твёрдый как булыжник» Фридрих — Вильгельм I, «расчётливый и честолюбивый» Фридрих II, «вялый и трусливый» Фридрих — Вильгельм III.

Книга пронизана негативным отношением к прусской правящей династии. Не составляли исключения и страницы, посвящённые Фридриху II, полемически заострённые против восторженных оценок немецкими биографами «старого Фрица» — воина и реформатора. Глубинную причину катастрофы мировой войны автор видел в традициях авторитаризма и милитаризма, издавна культивируемых Гогенцоллернами. Перцев ставил целью выявить в их деятельности корни «генезиса современной Германии», «истоки германизма», который «в настоящее время является одним из определяющих факторов мирового развития» [18, с. 3].

В главе с характерным названием «Фридрих II. Расцвет военно-бюрократического абсолютизма» ярко описывалась патерналистская политика «жёсткого пресинга», просвещённого монарха. «Фридрих вмешивался во всё — не только в управление, но и в частную жизнь своих подданных... Он не верил в способность прусских граждан самостоятельно определять свои выгоды до такой степени, что посылал драгун наблюдать за культурой яблочных плантаций, разведению которых в Пруссии он придавал большое значение. Он сам назначал деревни, которые нужно было колонизировать, определял улучшения, которые надо произвести, фабрики, которые надо основать, число рабочих на них» [18, с. 43]. Такая политика, по мнению Перцева, стала одной из причин разгрома Пруссии во время войны с Наполеоном 1806 года, через двадцать лет после смерти её проводника. «Это систематическое отучивание прусского общества от всякой самодеятельности дало себя знать уже при ближайших преемниках Фридриха II, и было одной из главных причин разгрома Пруссии при Иене... В политике Фридриха II и его предшественников было, действительно, много решительности, энергии и молниеносной быстроты действий, но мало доверия к творческим силам самой нации» [18, с. 43, 8].

Выводы Перцева характерны для историка старой школы, остававшегося на либеральных позициях. По словам его советского биографа, учёный «хотя и был близок к марксизму, но ещё оставался в плену буржуазно-либерального направления исторической науки» [3, с. 35]. Перцев подводит читателя к мысли, что патерналистские методы управления способны лишь на короткое время обеспечить успехи, но истинно прочно то, что опирается на народное участие, наилучшим выходом немецкого народа из исторического тупика, в который его привели Гогенцоллерны, должны стать установление парламентарного и правового государства. Представляется несомненным, что так же думал Перцев и о судьбах русского народа.

Р. Ю. Випперу, отстранённому от работы в Московском университете, незадолго до отъезда из Советской России удалось в кооперативном издательстве «Мир» переиздать свою «Историю нового времени» [5], многие страницы которой посвящены реформам просвещённого абсолютизма за рубежом.

На методологической основе исторического материализма пытались продолжить изучение просвещённого абсолютизма некоторые молодые учёные.

В 1919 году государственное издательство выпустило книгу ученика Н. М. Кареева Я. М. Захера «Тюрго» [10], представляющую интерес как одну из первых попыток в отечественной историографии дать марксистский анализ реформам просвещённого абсолютизма. Вслед за своим учителем автор видел в реформах Тюрго последнюю попытку предотвратить революционный взрыв во Франции, решить назревавший кризис эволюционно. Захер констатирует: Тюрго был «далёк от решительных революционных действий, на путь которых, представляемая им буржуазия вынуждена была ходом событий встать, отчасти в силу неудач, которые постигли его реформаторские планы» [10, с. 70]. «Мирное преобразование Франции не состоялось, слово было за Революцией» [10, с. 59] — приходит в выводу автор.

На примере деятельности Тюрго историк-коммунист предпринимает попытку анализа реформ просвещённого абсолютизма с классовых позиций. При этом прослеживаются столь свойственные первым советским марксистам элементы вульгарного социологизма. Захер пишет: «Взгляды Тюрго на основные вопросы экономической политики дают нам более богатый материал для уяснения его классовой физиономии» [10, с. 70]. Ссылаясь на принадлежность реформатора к школе физиократов, провозглашение им свободы хлебной торговли, историк приходит к выводу: «Тюрго — представитель не столько торговой буржуазии, сколько той части её, которая стремилась превратиться в буржуазию аграрную» [10, с. 73]. Исследователь акцентировал внимание на том, что реформы Тюрго были направлены не только против феодальных кругов, но и предпролетариата, ибо «французская буржуазия уже в период борьбы против феодализма обнаруживала наряду с жадной захвата власти стремление к полной свободе эксплуатации рабочих и крестьян» [10, с. 75].

Работа Захера над проблемами просвещённого абсолютизма не получила продолжения, осталась единственной в его наследии. Подобно большинству своих современников — специалистов по истории Франции XVIII века, историк свои последующие труды посвятил изучению революции.

Господствовавшая в исторической науке школа «торгового капитализма» Н. М. Покровского интереса к проблемам зарубежного просвещённого абсолютизма не проявляла. Только два историка, принадлежавшие к ней, В. Д. Преображенский [23, 21] и Н. Н. Розенталь [25] в своих книгах уделили ему некоторое внимание. Суть их взгляда на государство просвещённого абсолютизма можно свести к следующему. Как и всякий абсолютизм, это «развитая форма торгово-капиталистического государства» [23, с. 3]. Государство просвещённого абсолютизма функционировало в условиях общественного строя «торгового капитализма», «при котором экономическое и политическое господство принадлежит классу торговых капиталистов. Эпоха торгового капитализма исторически следует за эпохой феодализма» и сменяется обществом промышленного капитализма [25, с. 3–4]. При этом «в отдельных европейских странах торгово-капиталистическое общество долго сохраняло следы своего феодального прошлого» [25, с. 40], которые и пытались преодолеть просвещённые реформаторы в Пруссии, Австрии, России и других государствах.

Иногда упоминания о просвещённом абсолютизме встречаются в первых советских учебниках для формирующейся системы политического образования [22, 2]. При этом термин «просвещённый абсолютизм» обычно заключался в кавычки как понятие демагогическое, ибо проводимые при нём реформы, как само собой подразумевалось, маскировали противоречия позднего феодального общества, замедляли революционные процессы. Автор одного из таких учебников журналист и переводчик А. И. Анекштейн, использовавший прозрачный псевдоним «Арк. А-н», следующим образом определял политику просвещённого абсолютизма: «Мероприятия, имевшие целью сплотить все части государства воедино с установлением в них единообразного управления, отмена притеснений для иноверцев, уничтожение монастырей, забота по просвещению масс, стремление к уравниванию сословий» [2, с. 65].

После 1917 года источники по истории просвещённого абсолютизма не издавались. Единственным известным нам исключением стала квалифицированная публикация Н. П. Грацианским документов по истории прусского крестьянства во второй половине XVIII века (фрагментов «Общеземского прусского уложения» и свидетельств современников) [26, с. 334–393].

Таковы отголоски (точное слово) изучения просвещённого абсолютизма в рассматриваемые годы, пришедшее на смену фундаментальным дореволюционным исследованиям. О нём упоминается как бы по инерции, фрагментарно, обрывочно. Естественно ни о каком сколько-нибудь систематическом дальнейшем постижении его феномена не приходилось говорить. Главная причина этого крылась в политике государства – единственного заказчика исторических трудов, его органов, формировавших проблематику научных исследований и публикаций в своих утилитарных целях.

Источники и литература

1. Алексеева Г. Д. Октябрьская революция и историческая наука // Историческая наука России в XX веке. М.: Наука, 1997. С. 13–51.
2. Арк. А-н. История Западной Европы и Северо-Американских Соединённых Штатов к концу XVIII века до нашего времени. Часть 1. Эпоха промышленного капитализма. Харьков: Пролетарий, 1929. 677 с.
3. Ботвинник М. В. В. Н. Перцев. Минск: Наука и техника, 1973. 149 с.
4. В Обществе историков-марксистов. Резолюции, принятые на общем собрании общества от 19 марта 1930 года // Историк-марксист. 1930. № 15. С. 165–168.
5. Виппер Р. Ю. Новая история. Книга первая. 1500–1789. М.: Товарищество «Мир», 1923. 272 с.
6. Дживилегов А. К. Армия Великой французской революции и её вожди. М. — Пг.: Книга, 1923. 218 с.
7. Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-ые гг.). Брянск: Изд-во Брянского гос. ун-та, 2005. 800 с.
8. Дунаевский В. А. Советская историография новой истории стран Запада: 1917–1941 гг. М.: Наука, 1974. 375 с.
9. Замысловская Е. Учебник истории: руководство в школах I ступени. М. — Пг.: Госиздат, 1923. 123 с.
10. Захер Я. М. Тюрго. М.: Госиздат, 1919. 75 с.
11. Иллерицкая Н. В. Становление советской историографической традиции: наука, не об-

- ретшая лица // Советская историография. М.: РГГУ, 1996. С. 162–190.
12. Кареев Н. И. Великая французская революция. 2-е изд. М.: Гос. публ. ист. библ. России, 2003. 487 с.
 13. Кареев Н. И. Историки французской революции. Т. 2. Французские историки второй половины XIX века и начала века XX. Л.: Колос, 1924. 301 с.
 14. Коваленский М. Н. Учебник русской истории: курс VII класса. М.: Изд. В.М. Собсина, 1913. 232 с.
 15. Луначарский А. В. О преподавании истории в коммунистической школе // Луначарский А. В. Проблемы народного образования. М.: Работник просвещения, 1925. С. 16–35.
 16. Мартынов А. Очерки по русской истории: учебник для школ второй ступени. Пг.: Книга, 1921. 126 с.
 17. Ольминский М. С. Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России. М. — Пг.: Коммунист, 1919. 248 с.
 18. Перцев В. И. Гогенцоллерны. Характеристики личностей и обзор политической деятельности. 2-е изд. Минск: Харвест, 2003. 304 с.
 19. Плеханов Г. В. История русской общественной мысли. Кн. 1–3. М. — Л.: Госиздат, 1925.
 20. Покровский М. Н. Русская история с древнейших времён. Т. 3. Л.: Госиздат, 1924. 351 с.
 21. Преображенский В. Д. История Западной Европы до эпохи промышленного капитализма. Харьков: Пролетарий, 1931. 428 с.
 22. Преображенский В. Д. Очерк истории общественных форм для совпартшкол, рабфаков и самообразования. Харьков: Пролетарий, 1928. 256 с.
 23. Преображенский В. Д. Происхождение современных государств Европы. Ч. 2. Абсолютизм. М. — Л.: Молодая гвардия, 1930. 87 с.
 24. Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом изложении (основы социальной динамики). Т. 1–12. М. — Л.: Книга, 1918–1926.
 25. Розенталь Н. Н. История Европы в эпоху торгового капитализма. Л.: Прибой, 1927. 224 с.
 26. Хрестоматия по социально-экономической истории Европы в новое и новейшее время / под ред. В. П. Волгина. М.: Госиздат, 1929. 551 с.